Л.И.Филиппов,

Впервые опубликовано (под заголовком "Комментарии"):
Аугустинавичюте А. Соционика: Введение.
Сост. Л. Филиппов. – СПб: Terra Fantastica, 1998. – с. 423 – 439.

I. «Соционика» как теория строится на нескольких постулатах. Все они принимаются без опытного или логического обоснования, то есть — аксиоматически. Одно из главных таких положений можно было бы назвать «постулатом дискретности» — на нем строится вся схема деления на 16 и только 16 типов «ИМ». Согласно этой аксиоме, каждый человек может относиться только к одной из альтернативных пар: «экстратим — интротим». То же — при делении по четырем группам: «логики, этики, сенсорики, интуитики». (Добавление деления по «второй функции» и дает 16 типов «ИМ»). А. Аугустинавичюте многократно и недвусмысленно утверждает, что никакие «промежуточные» положения, равно как и никакие смешения свойств в одной личности, невозможны.

Создатель идеи и теории психологических типов К. Г. Юнг проводил свои построения совершенно иначе. Подробный анализ его теории здесь неуместен; отметим лишь, что ни «дискретность деления», ни невозможность «смешения свойств» Юнг не признавал. Более того, возможность гармонизации, уравновешенности психики по Юнгу заключается именно в сбалансированности взаимно противоположных функций в одной личности: в сфере сознательного и бессознательного. Личность же «полярного типа» — без «противовеса» в бессознательном — Юнгом выводится как патология, обреченная на невроз и — далее — на психические болезни. Здесь — в пренебрежении идеей бессознательного вообще — ещё один ключ к нестыковке «соционики» и идей К. Г. Юнга. А. Аугустинавичюте ни в одной работе далее не упоминает о бессознательном, о перераспределении энергии — либидо, об архаизации вытесненных функций. Из её работ безоговорочно следует, что любые проявления человеческой психики могут быть только осознанными. (Использование терминологии З.Фрейда — «эго», «суперэго» — не меняет сути дела).

В частности, это приводит автора соционики — в противоположность Юнгу – к представлению о простоте определения типа «ИМ», о простоте подбора «дуала» и т. п. В то время как учение о бессознательном предсказывает на этом пути очень серьёзные трудности.

Желающих серьёзнее ознакомиться с идеями Юнга отсылаем ко II тому настоящего издания. А практическое применение и развитие этих идей вы сможете найти в следующей книге нашей серии, готовящейся сейчас к изданию.

II. Для читателя, не знакомого со словарем типологии Юнга, предельно кратко поясним термины экстраверсии и интроверсии в их исходном, авторском значении.

Экстравертированной установкой называется такая, при которой главным источником поведенческих и психических импульсов является внешний мир, объект. В противном случае — когда господствует внутреннее, субъективное — говорят об интроверсии.

Здесь мы опускаем важнейшие моменты: различие между установкой и типом, разделение установок сознания и бессознательного и т. д. Но главное очевидно: терминология Юнга в принципе не предполагает деления на «объекты» и «отношения», как это делает А. Аугустинавичюте. Разумеется, подобное разбиение вполне жизнеспособно и может быть основой некой типологии «ИМ», но названия «экстра-» и «интро-» применены автором не в их истинном значении.

Таким образом, вслед за Айзенком, утвердившим в сознании обывателя представление об интроверте как о замкнутом, некоммуникабельном молчуне, а об экстраверте — как о душе общества (что, конечно, абсолютно неправильно), — и соционика вносит свой вклад, усугубляя терминологическую неразбериху в психологических науках.

III. Всякое теоретическое исследование, претендующее на научность, может идти по одному из двух путей: обобщение имеющихся опытных данных (индукция) или чисто теоретическое построение, исходящее из набора постулатов с использованием той или иной логики (дедукция). На практике эти два пути чаще всего сочетаются: при индуктивном обобщении фактов опираются на уже признанные теории, а при выборе постулатов для дедуктивного построения за критерий принимают опытные обоснования или предсказательную силу. Каким путем шел Юнг? Сам он отвечает на этот вопрос так: начала теории типологии абстрагированы из наблюдений, а далее — теория, причем речь идёт не о чистой дедукции, а лишь о дедуктивной форме изложения взглядов, сложившихся на основании опыта — то есть индуктивно.

Отличие пути, выбранного А. Аугустинавичюте от пути Юнга, — именно в методологическом плане — принципиальное. Если у Юнга с полнотой, присущей кибернетике, описана модель психики человека, принятая за основу теории, а уже на этой базе строится типология личности — со всеми восемью её ветвями, то

«соционическая» модель личности её автором не описана. А. Аугустинавичюте неоднократно и вполне определённо настаивает на абсолютной эмпиричности своей теории: не от функции к описанию типа, а от конкретики — к обобщению. Такой путь вполне оправдан, как и всякая индукция, но тогда необходимо должны быть соблюдены требования, предъявляемые ко всякой эмпирически обоснованной гипотезе: строгое описание опытных данных (или ссылка на таковые), их репрезентативность — речь ведь идёт о статистических закономерностях, — описание методов сбора и обработки информации. Вероятно, такие базы данных в распоряжении автора имеются, однако в работах они не приведены. Кроме того, во всех случаях, когда автор нуждается в практическом примере, используется не абстрактный, модельный, а вполне конкретный случай «из жизни», часто даже с упоминанием имени «героя». Это усиливает впечатление «индукции при n=1». Аналогичная форма выбрана и для формулирования выводов, полученных вполне теоретически: они применяются не к свойству личности как модели, а к жизненной ситуации. Само по себе это ни о чем не говорит — в конце концов, психология и призвана (в своем практическом воплощении) служить живым людям в «живых» ситуациях, — но когда между непростыми символьными схемами и их приложением к семейной, например, сцене нет промежуточного звена, может пострадать восприятие соционики как научной дисциплины, а не сборника полезных советов на каждый день.

IV. Принято разделять познание на две «ветви», условно обозначенные как «научный метод» и «путь искусства». Хоть и грубо, такое деление отражает два подхода, описанных К. Г. Юнгом. Первый из них строится, во-первых, на некоей логической цепи умозаключений, а во-вторых, на предположении о существовании объективной картины мира. В рамках этого подхода познание суть уменьшение разрыва между уже построенной моделью мироздания и «истинной» его структурой, существующей независимо. Разумеется, это очень упрощенное описание, но именно таков путь экстравертированного мыслительного типа — по Юнгу. Автор соционики описывает познание в соответствии с таким подходом как единственно возможным и именно так строит свою теорию: исходя из априорного положения о некоем изначальном «устройстве» каждого человека, каковое лишь предстоит выяснить и использовать. При этом на удивление точно происходит все то, о чем говорил Юнг, описывая экстравертированный мыслительный тип психики: отбрасывается всякая мысль о возможности не только иной гипотезы, но даже и каких-либо вариаций внутри самой новой науки. Не успев оформиться в умах своих адептов, молодая теория быстро становится догмой; всякие сомнения в её истинности или попытки что-то менять хотя бы в терминологии — уже кощунство, посягательство не на саму даже идею, а уже на личность данного её носителя.

А ведь существует и другой, полярный путь познания (опять же — загрубляя до двоичности): путь интровертированного эмоционального типа, путь постижения мира вне логической цепочки, вне «постановки задач» познания. В частности, любое

настоящее искусство есть пример реализации такого пути, хотя, конечно, этим он не исчерпывается.

V. Подробный и серьёзный анализ идеи психического (а точнее — психологического) дополнения — «дуализации» — здесь вряд ли возможен из-за ограниченности места. И все же главное сказать необходимо.

Прежде всего, утверждение: «просто есть совместимые типы людей и несовместимые», разумеется, верно (с поправкой на сделанное при формулировании упрощение), и всеми специалистами-психологами и просто наблюдательными людьми оно столь давно признано, что попросту не нуждается в очередном повторении. Это — одно из объяснений того, почему никто из названных А. Аугустинавичюте авторов до него «не додумался» — то есть не сформулировал напрямую. И все же, это лишь наиболее очевидная и не самая важная причина «всеобщей недогадливости». Главное же — гораздо серьёзнее, поэтому упомянуто будет лишь в общих чертах.

Итак, об идее «дуализации». Она держится на двух постулатах (не сформулированных автором явно и полно, но молчаливо использованных в построении схемы). Первый: человек — существо прежде всего парное, а уж потом — стадное (социальное) и одиночка (личность). Поэтому важнейшим условием гармоничной жизни (высокопродуктивной психической деятельности) является подбор именно оптимальной пары — «дуала», а не социума и не условий личностной реализации. На это можно привести множество совершенно различных возражений. Ограничимся самым очевидным: история недвусмысленно показывает, что в громадном большинстве случаев яркие, гармоничные, творчески продуктивные, психически уравновешенные люди оказываются именно одиночками. И если даже это неверно в прямом смысле, то те, кто «идёт рядом», как правило, слишком бледны, чтобы иметь право хотя бы на сравнимость с ними, а тем более — на звание «дуала». В то же время сами «гармоничные» именно потому таковыми и выглядят, что в их личности сбалансированы полярные свойства — те самые «лед и пламень», которые теория дополнения требует всегда складывать из двух половинок.

Второй негласный постулат таков: любая несбалансированность в психике (вызванная — при данном подходе — отсутствием «дуализации») вредна — и для личности, и для социума. Это противоречит и идеям Фрейда и Юнга, и даже основам диалектического материализма. Представив себе общество идеально «дуализированных» людей, мы получим социум без акцентуированных личностей, без комплексующих и рефлектирующих борцов, страдальцев и правдоискателей, без ищущих

самоутверждения и народного признания вождей, трибунов и ниспровергателей основ; одним словом — общество без противоречий, без «двигателя прогресса».

И, наконец, ещё одно. В защиту классиков психологии, умолчавших о дополняемости психик. Здесь, вероятно, уместна аналогия с сэром Исааком Ньютоном, который, в противоположность Гюйгенсу, при объяснении световых явлений выбрал не волновую, а корпускулярную теорию света — не потому, что не видел её недостатков, а потому, что недостатки волновой теории представлялись ему более существенными (что время и подтвердило).

Несомненно, когда-нибудь будет создана столь совершенная психологическая теория, что в её рамках можно будет разработать жизнеспособный аппарат анализа межличностного общения (или — «интертипных взаимодействий» — говоря кибернетическим языком). Пока же дело обстоит так же, как с «корпускулярно-волновым дуализмом» в теории света: все понимают, что что-то делать надо, но работающей теории пока нет. Количество же разнообразнейших — по уровню — попыток решить этот вопрос (от самой вульгарной газетной «астрологии» до множества новейших психологии) только подтверждает сказанное, подобно тому, как обилие рекламируемых патентованных средств, «уничтожающих боль», — несомненное свидетельство отсутствия безопасных и действенных ненаркотических анальгетиков.

VI. По утверждению автора, каждый экстраверт — то есть ровно половина человечества — «чувствует своей обязанностью помогать всем в самоусовершенствовании». Нет надобности анализировать сказанное, чтобы увидеть, что это — преувеличение. (Такая формулировка, вероятно, самая мягкая.) И подобных примеров мы встречаем в соционике множество. Чем объясняются эти попытки свести психологическую, исходно весьма серьёзную, теорию к столь упрощенным и слишком общедоступным, чтобы считаться научными, сентенциям? Вероятно, найти объяснение поможет аналогия с судьбой учения Фрейда. Как известно, идеи автора психоанализа не были восприняты его коллегами, более того — его попросту освистали при попытках изложить суть теории на научных конференциях. Освистали специалисты, уважаемые европейские профессора, светила психиатрии. Причиной тому была не только новизна психоанализа, но и его «особая» сущность — речь ведь шла не об атомах, а о людях, в частности — и о самих профессорах. От них требовалось признать за собой такое. Оскорбленный автор, теория которого была уже достаточно подтверждена клинической статистикой, чтобы считаться жизнеспособной, отправился доказывать свою правоту в Новый Свет. И — казалось бы — добился огромного успеха. Причем не временного, а столь устойчивого, что и сегодня психоанализ практически царит в американской клинической психотерапии, психологии и социологии. Но — какой ценой был достигнут этот успех? Знают ли американцы (пусть даже окончившие университет) хотя бы основы

психоаналитического учения? Ответ отрицательный! Представления об учении Фрейда в общественном сознании — и не только в США — столь примитивны и вульгарны, что специалисты давно уже отказались от попыток что-либо исправить. Противоположную картину представляют идеи ученика и творческого последователя Фрейда — Карла Густава Юнга. Он никогда не писал популярных работ, не читал лекций для домохозяек, не нес идеи «в народ». Даже напротив: как будто специально даже на лекциях излагал свои мысли предельно афористично, часто — намеками. Есть работы, написанные в духе герменевтики, — практически зашифрованные, недоступные «простым смертным». Все это привело к ситуации, обозначаемой формулой «широко известен в узких кругах». Все слышали о Фрейде и Юнге. Любой грамотный человек «со знанием дела» готов изложить «основы психоанализа» и свое суждение о них. А кто изложит идею об архетипах коллективного бессознательного — идею ничуть не менее великую, чем положения о вытеснении и катарсисе? И именно этого Юнг и добивался! Пусть даже специалисты говорят, что его работы трудны и непонятны. Зато уж тот, кто действительно разобрался, не способен исказить учение.

Вероятно, попытка сделать соционику простой и понятной всем и каждому, легко применимой даже для неспециалистов, привела к упрощению науки, к её «популяризации». Вряд ли сложное можно сделать простым, не потеряв самой сути. Получилась та самая система, пользоваться которой может даже... не очень умный человек, и, как и предсказано, только он и захочет ей пользоваться.

VII. Кроме очевидного упрощения формы некоторых положений, за всем сказанным о супружеских парах есть все же и суть. В частности, утверждается существование абсолютно гармоничной пары — вовсе не идеальной, а вполне конкретной, живой, подбираемой для любого типа психики. Что же делать с людьми, которые способны чувствовать полноту жизни только тогда, когда заставляют других по-настоящему страдать? Садистские (в широком смысле) наклонности не столь редки. А комплекс стремления к власти? Есть примеры, статистика, когда подобные проявления гасились простой «дуализацией»? Где они описаны?

Далее — оборотная сторона садомазохистского комплекса — потребность в чувстве вины, в ощущении собственного ничтожества. Те же вопросы.

Это перечисление можно продолжить. Есть множество психологических законов, давно известных интуитивным психологам и ими описанных (Достоевским, например), которые позже были «открыты заново» уже учеными. Однако «формализовано» далеко не всё. Что не мешает этим эмпирически найденным законам быть верными и вполне

признанными в кругу мастеров общения и человековедения. И если Гоголь, Достоевский, Маркес, Булгаков — и многие другие, не обязательно писатели — многократно говорили о целой массе принципиально «недуализируемых» людей, то им, вероятно, следует противопоставить серьёзные аргументы, а не просто декларации. Недостаточно объявить «правильно» составленную моногамную брачную пару панацеей от всех психических проблем. Останутся вопросы. Как быть с гаремами? С детьми, родителями, братьями-сестрами, соседями, коллегами?..

Если принять подход автора, то получается, что нет плохих супругов (родителей, друзей, коллег...), а есть «неправильная расстановка». А Дон Жуан и все донжуаны? А сам Александр Сергеевич?..

Получается, что нужно не людей в массе учить общению, притирать, гасить хотя бы самые грубые антисоциальные выплески, как это (хоть и примитивно, но для ликбеза вполне грамотно) делают Карнеги и ему подобные. Нет, надо обратиться к специалистам (вплоть до электронной свахи) — и все решится без усилий. А как же страдания, без которых любовь живет «едва ли три недели»? Печорину, например, какая нужна была «дуализация», чтобы он перестал терзать себя и других? А Бетховен, Ганди, Лермонтов, Маяковский?.. Если действительно «дуализация» снимает все психологические проблемы, то мы останемся без этих людей. К счастью, скорее всего, это не так.

Несомненно, идея психологической типизации — в частности, в варианте соционики — действительно прогрессивный шаг. Но — именно шаг. А не ответ на все вопросы разом и — тем более! — не рецепт для массового потребителя по подбору пары. Ибо границы типов, согласно Юнгу, размыты, а чистый тип если и возможен в жизни, то примитивен и скучен до модельной прозрачности. И — главное здесь — компенсация «однобокости» типа (по Юнгу) — не в парном общении, а в противоположном «перекосе» бессознательного. Поэтому правомерны два взаимодополняющих подхода: гармонизация «в стаде» (экстра-) и гармонизация в себе (интро-) — к счастью, психика достаточно сложна и многослойна.

А вот пара — в полном согласии с идеями Ф. Энгельса — не ячейка в мире общения («ИМ»), а ячейка в «мире» государства. Разумеется, сказанное не означает, что при подборе пары психология ничего не дает. Это было бы другой крайностью. Просто непродуктивно было бы сводить все огромное многообразие человеческого общения к парно-семейным отношениям. Упрощение — не двигатель прогресса науки. Скорее наоборот — это способно лишь тормозить её развитие.

VIII. Если отвлечься от принципиальных научных проблем, в описаниях соционических типов обращает на себя внимание ещё одно повторяющееся свойство: узнаваемость. При чтении описания типа читатель невольно думает: это — про меня (или — про такого-то из моих близких, друзей). Что, конечно, способствует укреплению авторитета теории. Однако можно предположить, что психология как наука, равно как и различные её школы, здесь ни при чем. Во-первых, подобные «точные попадания» многие читатели обнаруживают в описаниях совершенно разных типов применительно к одному и тому же живому человеку. То вдруг «подходит» экстраверт, то — интроверт. Во-вторых, один и тот же тип «ИМ» у разных авторов-адептов «соционики» описан обычно столькими различными способами, сколько авторов о нем пишут, что объясняется все тем же общим принципом: не от модели психики — к конкретному типу личности, а напрямую — к живым примерам, минуя дедуктивный анализ. И, наконец, в-третьих, эти «точные попадания», вероятнее всего, объясняются довольно просто: в каждом случае речь идёт о совершенно конкретном живом человеке, «одном знакомом» автора. На этом сама А. Аугустинавичюте, собственно, и настаивает: никаких «спекуляций» (то есть теоретических модельных построений) — только индукция. Причем без статистики, без выборки, а именно — «один знакомый». К. Г. Юнг, напомним, шел в точности в обратном порядке, а «живые» примеры использовал редко и только в качестве иллюстрации.

Растущая массовая популярность самой примитивной «астрологии» держится на этом же психологическом феномене: «Ой, это про меня!» То есть — минуя самокопание, анализ, труд — получить простые и доступные рецепты на все случаи жизни. Блестящий пример подобного универсального описания личности, подходящего любому человеку, приводит В. Леви в книге «Разговор в письмах». Наиболее способные гадалки и «предсказатели», начиная с древнейших оракулов, действуют по той же схеме. Однако у них — свои цели. Психологическая наука ни в коем случае не призвана быть общедоступной, применимой в быту и простой для восприятия. Если автор теоретической работы ставит такие задачи, он и приходит к попыткам переложить научные идеи и построения на «язык масс».

IX. При описании четырёх функций психики А. Аугустинавичюте не просто заменила термины, как это было с заменой экстра- и интровертов на «-тимов». Здесь она уточняет и углубляет, по её же утверждению, понимание этих свойств. При таком уточнении происходит принципиальная потеря смысла, вложенного Юнгом в понимание механизмов функционирования психики. В частности, заменяя «мышление» на «логику», автор сужает представление об этой функции сразу в двух измерениях: во-первых, не всякое мышление бывает логическим (и об этом у Юнга сказано подробно и однозначно), а во-вторых — что гораздо важнее — при такой подмене вся личность сводится лишь к её сознательной части, ибо мышление, конечно, может быть полностью бессознательной функцией, логика же — никогда. Таким образом, происходит как раз то, о чем

предупреждал сам К. Г. Юнг: игнорирование бессознательной сферы психической деятельности, сведение личности в целом (das Selbst) — соизмеримой с миром — к сознательной личности (eines Ich) — структуре ограниченной и неустойчивой; стремление придать ей значение субъекта необходимо ведёт к бессознательному укреплению влияния объекта. Этот процесс, столь характерный для крайней интровертированной установки, и можно наблюдать в становлении соционики — непреодолимое (так как идёт из бессознательного) влияние объекта на сознание личности делает все построения парадоксальными: утверждая в декларациях принцип «внутреннего» анализа происходящего в человеке, теория переполнена конкретикой, констатацией мелких внешних деталей, огромное количество которых окончательно заслоняет изначальные общие построения — за деревьями исчезает лес.

При всем этом, можно доказать, что именно «юнговские» четыре функции могут охватить (в модельном подходе, конечно) все проявления психической деятельности. Например, этика не подходит на эту роль, так как является понятием сугубо социальным, не имеющим смысла вне общественных норм. И заменить все многообразие проявлений эмоций ей, конечно, невозможно. Как и логикой — мышление. Что же касается ощущения и интуиции, то А. Аугустинавичюте оставила термины без изменения (Юнг сам называл сенсорным тип личности, у которого преобладающей функцией являются ощущения). Но это — только по форме. Смысл в эти термины вложен совершенно иной.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на юнговском понимании четырёх функций психики.

X. Всем шестнадцати типам «ИМ» автором подобраны псевдонимы — чаще всего по именам писателей. Эти имена на сегодня уже устоялись в среде «соционников». Никто не использует полных наименований типов. Достаточно произнести, скажем, «Гексли», -и все «посвященные» знают, о каком из шестнадцати типов идёт речь. (Другое дело, что свойства типа каждая «школа соционики» понимает по-своему, что усугубляет проблемы «разноязыкости».)

На чем же основывалась А. Аугустинавичюте, выбирая псевдонимы типов личности? В первую очередь на том, что писатель и его герой — однотипны. И в самом деле, можно привести примеры такого соответствия. Однако и противоположных — не меньше. У Пушкина: «Как будто нам уж невозможно писать о ком-нибудь другом, как только о себе самом!» И все же не это — главное. Куда важнее трудности, возникающие с самим принципом именования типов «по писателям». Ведь носитель имени, «тотем» типа

должен быть ярким его представителем. В то время как именно творческие люди, особенно гении, никогда не бывают столь простыми и обычными, чтобы укладываться в общие рамки. Например, общим местом стало в литературоведении «сведение» личности Пушкина из множества его героев: Онегина, Татьяны, Ленского. Аналогично и Достоевский не сводится к Мышкину как тип личности. В обоих случаях напрашивается скорее противопоставление: ведь Онегин, в отличие от сложного Пушкина, явно относится к интровертированной установке, как и Мышкин — в отличие от автора «Идиота». А в «соционике» между автором и героем ставится (в смысле типа) знак равенства — без анализа и обоснований.

Если же вернуться к сопоставлению «соционического» разбиения с типологией Юнга, то следует помнить об отсутствии у Юнга дискретности. Установки и типы — «по Юнгу» — лишь модельные крайности, тем менее жизненные, чем они ярче выражены. Поэтому с точки зрения теории Юнга «тотемами» типов должны быть не столько яркие, гармоничные, многогранные личности, сколько, наоборот, упрощенные, поляризованные образы. И искать их среди творцов, конечно, нельзя.

XI. В работе К. Г. Юнга «Психологические типы» выводятся восемь типов личности: в психике каждого доминирует одна из четырёх функций, плюс удвоение при делении на экстравертированных и интровертированных. В то же время Юнг упоминает кратко ещё одно «деление» — введением второй функции сознания – зависимой от ведущей и не противоположной ей (мышлению, по Юнгу, противоположны эмоции, а ощущению — интуиция). Собственно, на этом упоминании и строится «соционическое» разбиение на шестнадцать типов «ИМ» — по утверждению автора. Отметим лишь два связанных с этим важных соображения.

Сам Юнг, несмотря на указанную возможность, не стал разбивать свои восемь типов далее. И это нетрудно объяснить — ведь он придерживался представления о наличии в человеке всех типов восприятия, представления о плавной, непрерывной градации личностных особенностей. При таком подходе ещё одно дискретное деление ничего принципиально нового в анализ психологии личности не вносит. Важнее знать «распределение ролей» между сознанием и бессознательным в человеке, степень вытеснения и архаизации «вторичных» функций. А какая из них будет считаться именно «второй» — не суть важно. Более того, полный анализ юнговской типологии приводит к размыванию границ и между его восемью типами, и даже — между экстравертированной и интровертированной установками. (Об этом — в новой книге серии.) Но для такого понимания необходимо мыслить в терминах «сознание — бессознательное», «вытеснение», «архаизация функции». А в соционике, напоминаем, все строится на молчаливом предположении: существует только сознательная сфера психики.

И второе, что необходимо напомнить в связи с разбиением на шестнадцать типов: А. Аугустинавичюте расходится с Юнгом уже на этапе деления на «экстра- и интротимов». То же — с четырьмя функциями. Поэтому её описание восьми типов (еще до «второй функции») и восемь типов Юнга совпадают только по количеству, сами же типы — практически не соотносимы друг с другом.